

Арктика и Север. 2022. № 48. С. 275–302.
Научная статья
УДК [94:902:904:913:930.85](470.1/.2)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.275

О концепте «Русский Север» замолвить слово *

Лукин Юрий Федорович ¹✉, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹lukin.yury@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-4586>

Аннотация. Целью выполненного обзора является исследование сущности концепта «Русский Север» в имеющихся письменных источниках и в разных отраслях научных знаний. Исторический процесс в статье локализуется на огромном пространстве от Великого Новгорода, Новгородской вечевой республики до Карелии, побережий Белого и Баренцева морей — Архангельского и Кольского Севера, Северо-Востока (Коми). Русский Север понимается как некое гибридное понятие, требующее осмысления экономики, политики, социума, культуры, археологии, истории, географии, этнологии, этнографии, философии, филологии и других отраслей научных знаний. Концептуальность содержания сопряжена с современным пониманием исторической эволюции от прошлого к настоящему в результате накопленного столетиями тезауруса знаний.

Ключевые слова: *Русский Север, Новгородская вечевая республика, археология, образно-географическая карта, историко-культурные группы, культурное пространство, цивилизационные волны*

A Word about the "Russian North" Concept

Yury F. Lukin ¹✉, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honoured Worker of Higher Education of Russian Federation

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹lukin.yury@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-4586>

Abstract. The purpose of the review is to study the essence of the concept “Russian North” in the available written sources and in various branches of scientific knowledge. The historical process of the article is localized in a vast space from the Velikiy Novgorod, the Novgorod Veche Republic to Karelia, the coasts of the White and Barents Seas — the Arkhangelsk and Kola North, the NorthEast (Komi). The Russian North is understood as a hybrid concept that requires interpretation of economics, politics, society, culture, archeology, history, geography, ethnology, ethnography, philosophy, philology and other branches of scientific knowledge. The conceptual content is associated with modern understanding of historical evolution from the past to the present as a result of the thesaurus of knowledge accumulated over centuries.

Keywords: *Russian North, Novgorod Veche Republic, archeology, image-geographical map, historical and cultural groups, cultural space, civilizational wave*

Введение

Русский Север, во-первых, не всегда был русским. Древние люди издавна осваивали огромное северное пространство, которое в отечественной истории России стали позднее

* © Лукин Ю.Ф., 2022

Для цитирования: Лукин Ю.Ф. О концепте «Русский Север» замолвить слово // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 275–302. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.275

For citation: Lukin Yu.F. A Word about the "Russian North" Concept. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 48, pp. 275–302. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.275

называть «Русским Севером». Освоенное и заселённое северное пространство исторически включает как первобытную ойкумену, так и ойкумену Русского Севера. Первобытная ойкумена хронологически охватывает время многотысячелетней эпохи палеолита, мезолита, неолита. Миграции древних людей во многом определялись изменениями природно-климатических, геофизических условий среды их обитания, длительностью периодов межледниковья, а непосредственно на Крайнем Севере во многом и арктической кухней погоды. Рост народонаселения происходил во времена неолита, когда ойкумена северной тайги, побережья рек и лесных озёр, начинают обживается постоянным населением. Известными артефактами, фактически самыми древними произведениями искусства, подтверждающими род занятий древних людей, являются петроглифы Онежского озера и Белого моря. Это высеченные на поверхности прибрежных гранитных скал изображения животных, птиц, рыб, лодок, людей, знаков, возраст которых IV–III вв. до н. э. Обживание северного пространства славянами, русским этносом и трансформация его в ойкумену Русского Севера происходило во втором тысячелетии н. э.

Во-вторых, в научно-методологическом смысле оценку тех или иных исторических концептов, употребляемой терминологии, даёт само время, внося необходимую коррекцию в историю самых древних эпох, которые могут в XXI в. от Рождества Христова выглядеть совсем по-другому, чем в древности, или даже в XX в. Не имеет значения, употреблялся или нет тот или иной концепт, например «Русский Север», в имеющихся письменных исторических источниках: летописях, актах, грамотах и других документах, в научных публикациях прежних лет. В научном смысле речь всегда идёт не только о терминологии, но и о сути концептуальности содержания, сопряжённого с современным пониманием исторической эволюции от прошлого к настоящему в результате накопленного столетиями тезауруса знаний.

В-третьих, сравнительный анализ славянской ойкумены Великого Новгорода и Киевской Руси позволяет сделать вывод, что русская государственность пошла из Ладоги, Новгорода, с Русского Севера, а не с южных окраин. Академик РАН В.Л. Янин одним из первых ещё в 2008 г. публично высказался о новой парадигме всей отечественной истории. Княжеская власть, в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. «Напротив, импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию». В.Л. Янин, на основе накопленных наукой фактов, выделял два главных ядра государственности — Киев и Новгород [1, Янин В.Л., с. 10]. История единого древнерусского государства в Киеве насчитывает в целом более краткий хронологический период, чем история Великого Новгорода, Новгородской вечевого республики, как ядра, органической части и начала Русской земли со времён Рюрика, обеспечивая её безопасность и

защиту¹. Новгородская вечевая республика в XII–XV вв. в целом являла собою более высокий тип устройства государственной власти и управления того времени. Сложнейший период формирования русской государственности был объективно связан с перманентной защитой от экспансии викингов, северных крестовых походов против православия на Новгородскую и Псковскую вечевые республики. А в XIII–XV вв. для Новгородской вечевой республики, как и для всех русских земель, Московского великого княжества, резко возросла военно-политическая угроза с Востока.

В-четвёртых, в научной литературе концептуальное определение «Русский Север» учёными разных специальностей и направлений обычно трактуется в зависимости от их цели и мотивации, предмета и объекта исследований, отрасли научных знаний. Исследуя научную литературу о Русском Севере, можно с уверенностью трактовать его концепт, как некое гибридное понятие, требующее осмысления экономики, политики, социума, культуры, археологии, истории, географии, этнологии, этнографии, философии, филологии и других отраслей научных знаний. В современных научных исследованиях встречаются концепты не только «Русского Севера», но и такие, как «Европейский Север России», «Север Европы», «Архангельский Север», «Кольский Север», «Крайний Север», «Двинская земля», «Заволочье», «Поморье» и другие, хронологически относящиеся ко второму тысячелетию н. э. Славяне появились на северах в X–XI вв. и за несколько столетий отодвинули границы Древней Руси до Белого моря, низовьев Северной Двины и на сотни вёрст к северо-востоку. По сути дела, речь фактически идёт о начальном хронологическом этапе формирования историко-культурной группы будущего Русского мира в начале второго тысячелетия новой эры. Не претендуя на полный обзор всех имеющихся концепций, дискуссий по данной проблематике, данная статья лишь частично исследует эту тему.

Археология Русского Севера

Концепт «Русский Север» используется в археологии, хотя само его концептуальное определение появилось и закрепилось в научной литературе значительно позже. Становление археологической науки в Архангельской губернии, вклад основоположников археологии края — А.Г. Тышинского, П.С. Ефименко, К.П. Ревы, В.И. Смирнова — исследуется в статье кандидата исторических наук, археолога А.Г. Едовина [2, с. 6–14]. С выходом в свет работы «Заволоцкая чудь» этнографа Петра Саввича Ефименко (1835–1908 гг.) связывается начало археологической науки в Архангельской губернии.

В XX–XXI вв. археологией Русского Севера, включая Архангельский Север, Карелию, Кольский Север, Европейский Северо-Восток (Коми) занимались А.Е. Беличенко, В.А. Буров, И.В. Верещагина (1947–2006 гг.), Н.Н. Гурина (1909–1990 гг.), А.Г. Едовин, В.И. Канивец (1927–

¹ Лукин Ю.Ф., Кудряшова Е.В. Откуда пошла российская государственность // Арктика и Север: Арктические новости. 8 октября 2021 г. URL: http://www.arcticandnorth.ru/news.php?ELEMENT_ID= 359837 (дата обращения: 15.07.2022).

1972 г.), А.А. Куратов (1936–2014 г.); Н.В. Лобанова, Н.А. Макаров, А.Я. Мартынов, О.В. Овсянников, П.Ю. Павлов, Ю.А. Савватеев, М.В. Шульгина и другие учёные. Анализируя основные источники истории и культуры Архангельского Севера, доступные артефакты, профессор А.А. Куратов выделял вслед за М.Е. Фосс и А.Я. Брюсовым Каргопольскую археологическую культуру, распространённую, в том числе, и в бассейне Белого моря, Беломорскую и Печорскую археологические культуры, включая известные всему миру острова Соловецкого архипелага, а также островные культуры океанического бассейна, стоянки на островах Кузова, Моржовец, Мудьюг, Вайгач, Колгуев, Земля Франца-Иосифа. Доктор исторических наук Н.Н. Гурина, исследуя археологические памятники Карелии, Ленинградской области, Кольского Севера, побережий Белого моря, внесла решающий вклад в выделение целого ряда археологических культур неолитической эпохи, в том числе валдайской, Кольской, разработала ряд вопросов заселения и периодизации Северо-Запада Европейской части СССР [3]. Интересные сведения об археологических памятниках, дошедшие до нас от древней Руси, связаны с дипломатией. В долгом споре с Данией, отстаивая права России на «Лопскую землю» (Лапландию), русские посланники И.С. Ржевский и С.В. Годунов в 1603 г. сообщили датским послам текст грамоты о том, что *«Лопская земля вся изстари к нашей отчине, к Новгородской земле, а взял её войною корелской державец именем Валит, тож и Варент, а русское имя его Василей, которого и ныне есть в тех местех на Мурманском море в его имя городище Валитово и иные признаки, как вам о том подлинно объявлено»* [4, Формозов А.А., с. 22].

Под Русским Севером, по определению археолога Н.А. Макарова, директора Института археологии РАН с 2003 г., академик РАН с 2011 г., *«подразумевается обширная территория, включающая бассейн Онежского озера на западе и бассейн Мезени на востоке, с южной границей, проходящей по линии водораздела Волги и Сухоны. Русское население этого края характеризуется определенным единством диалекта и единством традиционной бытовой культуры. Можно говорить и о единстве исторической судьбы края в средневековье»* [5, с. 61–71]. Славяне появились здесь лишь на рубеже X–XI вв. и за несколько столетий отодвинули границы Руси на сотни вёрст к северо-востоку, до Белого моря и низовьев Северной Двины. Древнерусское заселение Севера заметно активизировалось в середине XII в., когда вещи древнерусских типов распространились на огромном пространстве от Белоозера и Волжско-Сухонского водораздела до Финнмарка и Северного Приуралья. Этот ареал примерно отвечает представлениям о зоне «русских даней», очерченной на основе летописей, грамот и других документов. На археологической карте Н.А. Макарова 1986 г. с находками X–XIII вв. было локализовано 177 пунктов.

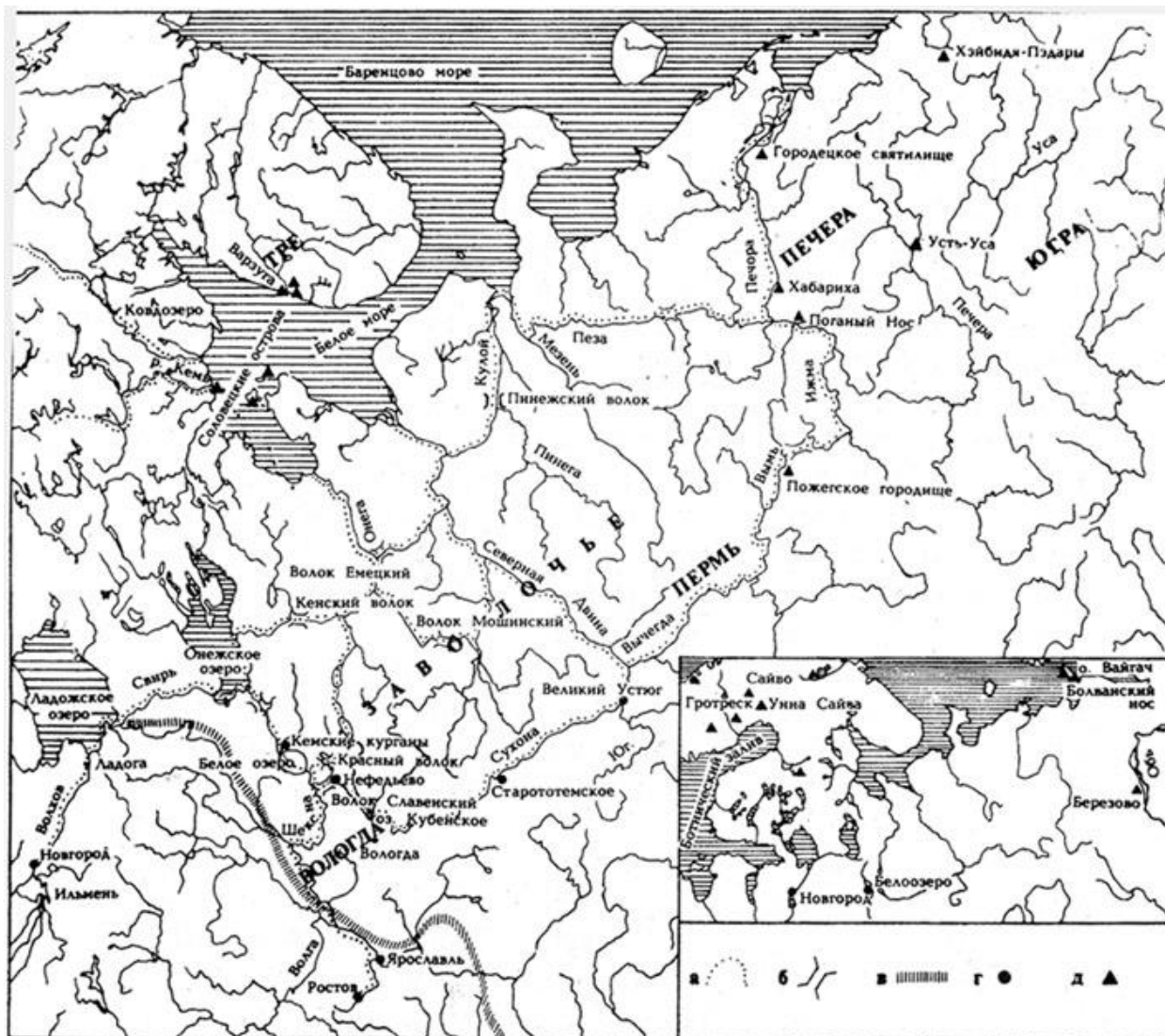

Рис. 1. Макаров Н.А. Водно-волоковые пути Севера в XI—XIII вв.: а — маршруты водно-волоковых путей; б — волоки; в — северо-восточная граница зоны распространения древнерусских курганов; г — города и археологические памятники XI—XIII вв.; д — находки предметов древнерусского происхождения на Крайнем Севере.

К 1993 г. на его же археологической карте насчитывалось уже более 220 точек, за каждой из которых — поселение, могильник, монетный клад или случайная находка средневековых украшений. Памятники на карте различаются по внешнему виду, по степени сохранности и насыщенности предметами древности. Их объединяет лишь одно — это материальные остатки, твёрдо датируемые XI—XIII вв., свидетельства постоянного или временного пребывания человека в заселяемой ойкумене Русского Севера в ту эпоху. На протяжении столетий основными воротами Севера оставались Свирь и Шексна, дававшие начало двум водным магистралям: Свирь — Онежское озеро — Онега — Северная Двина и Шексна — Сухона — Северная Двина. Анализ карты позволяет оценить заселённость тех или иных северных территорий, размещение населения, направления миграционных потоков. Социальную структуру населения ойкумены Русского Севера Н.А. Макаров рассматривал в монографии «Русский Север: таинственное средневековье», где и была опубликована указанная карта. По сути, это одна из известных карт ойкумены будущего Русского Севера XI—XIII вв., научно

обоснованная, основанная на артефактах, материальных и письменных первоисточниках, не имеющая аналогов в отечественной истории.

В летописях о событиях XI–XIII вв. встречаются упоминания о князьях и свободных общинниках, дружинниках и холопах, языческих волхвах и православных священниках. Археология даёт возможность предметно понять этническую картину расселения, чудское наследие, следы скандинавов, культуру и обряды древних людей. Н.А. Макаров давал описание погребального обряда, оценивая его как христианский. В XI–XII вв. население Белозерья и Каргополья уже не сжигает своих покойников, как это делали славяне и финны в конце первого тысячелетия н. э. Подобно жителям большинства других областей Древней Руси, северяне погребают умерших. Изменение обряда — несомненно, результат влияния христианства. Под влиянием христианства погребальный обряд постепенно изменяется, очищаясь от языческих элементов. Показательно отсутствие на Севере княжеских городков и крепостей. Все погосты, названные в уставной грамоте 1137 г., и обследованные экспедицией Н.А. Макарова, оказались неукреплёнными. Потребность в защите была на Севере не такой острой, как в южных и центральных областях, чаще становившихся ареной военных действий. Если сравнивать Север с покорением Сибири, то за тридцать с небольшим лет, прошедших с момента прихода на Иртыш отряда Ермака до 1618 г., когда присоединение Западной Сибири к России в основном завершилось, на новых землях усилиями правительства было возведено 14 городов и острогов, а за сто лет — около 150 крепостных сооружений. На Севере же за 250 лет, начиная с проникновения первых колонистов в Заволочье и кончая Батыевым нашествием, возникло всего лишь три города: Белоозеро (перепланировка 1170 г.), Гледен (1178 г.) и Великий Устюг (1212 г.). Исследуя проблему «Человек и государство», Н.А. Макаров отмечал, что монахи, покидавшие в XIV–XV вв. богатые монастыри Москвы, Ростова и Новгорода, отправлялись на Север в поисках пустынных мест, уединения. Стены пригородных монастырей не могли оградить их от слишком тесного общения со светской и духовной властью, близость которой гарантировала материальный достаток, но лишала независимости. Для всех переселенцев «уединение» было синонимом «свободы», которая предполагала «скрытое» существование, но если не полную, то относительную изоляцию. Это, кстати говоря, хорошо было известно моим предкам [6, Кузнецова В.П.].

Значимый вклад в археологию и историю Русского Севера внёс доктор исторических наук *О.В. Овсянников*. В результате интенсивных поисков на берегах рек Ваги и Тихманьги, Варзуги и Северной Двины, на Терском берегу Белого моря были обнаружены и исследованы могильники и клады конца XI–XIII вв., оставленные финноязычным аборигенным населением и древнерусскими первопоселенцами. Архангельский клад, обнаруженный в 1989 г. в 40–45 км вверх по Северной Двине от её впадения в Белое море, включал 1915 монет (более 90% из них — германской чеканки X–XII вв.) и около 20 ювелирных украшений, в том числе древнерусского и скандинавского изготовления. Этот клад на речке Вихтуй датируется 30-ми гг. XII в. Возможно, именно здесь существовало какое-то древнее поселение в устье Север-

ной Двины. Изучение Орлецкого, Важского, Емецкого, Варенги, Вотложмы, Кевролы, Топсы и других северных городков позволили обосновать их датировку XIV–XV вв., показать, что это были сельские укрепленные вотчинные центры (боярские усадьбы). В соавторстве с М.Э. Ясински О.В. Овсянников опубликовал монографию «Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники» в двух томах [7]. Принимал участие в известной Мангазейской историко-географической экспедиции, руководимой М.И. Беловым в 1981 г.

Обзор археологического изучения финно-угорского и славянского расселения, изучения этнополитической ситуации на севере Руси, выполнил крупнейший исследователь археологии финно-угорских народов Древней Руси, доктор исторических наук *Е.А. Рябинин* (1948–2010 гг.). Его работа базируется на использовании археологических источников, накопленных за 150 лет активного изучения финно-угорских и древнерусских памятников. Е.А. Рябинин всесторонне исследовал финно-угорское население Северного Подвинья (к проблеме изучения чуди заволочской). Он давал обзор истории вопроса, детально анализировал имеющиеся источники, найденные артефакты, научную литературу. Рассматривая концепции расселения чуди заволочкой в низовьях Северной Двины, учёный отмечал отождествление этого района с Бьярмией скандинавских источников, упоминаемой с конца IX века, рассматривал археологические данные об этнокультурных процессах в Заволочье. Проблема ассимиляции чуди в эпоху массовой колонизации Заволочья в условиях дефицита археологических знаний, по мнению Е.А. Рябинина, решается в основном с использованием сведений по истории, этнографии, лингвистике, антропологии [8, с. 5–7, 113–148].

В.Н. Калуцков: образно-географическая карта Русского Севера (2018)

Каждый регион России обладает собственной понятийно-географической системой, обусловленной своеобразием этнокультурных традиций и природных ландшафтов. Разнообразная тематика серии докладов, посвящённых Русскому Северу, сделанных на семинарах в МГУ имени М.В. Ломоносова в 1995–1997 гг., давала картину севернорусского культурного ландшафта. В.Н. Калуцков, Ю.А. Давыдова, Е.А. Родионов, Л.В. Фадеева и др. обсуждали на этих семинарах вопросы: типичные ландшафтно-топонимические ситуации Русского Севера, архаические пространственные структуры Русского Севера, сакральная география Русского Севера, народное православие и культурный ландшафт Русского Севера, этнокультурные границы Русского Севера (на материале Пинежья) и др. Интерес к Русскому Северу проявлялся не только в тематике докладов, но и в междисциплинарном взаимодействии с Поморским университетом имени М.В. Ломоносова. В ноябре 1996 г. в Архангельске прошёл первый круглый стол «Культурный ландшафт Русского Севера» в рамках международной конференции «М.В. Ломоносов и национальное наследие России», в котором приняли участие географы, историки, культурологи, этнолингвисты, фольклористы и преподаватели высших и средних учебных заведений из Архангельска, Москвы, Мурманска, Пинежского района. Доктор географических наук, профессор *В.Н. Калуцков* защитил в 2009 г. диссертацию о ланд-

шафтной концепции и культурной географии, опубликовал монографию «Ландшафт в культурной географии» (2008), ряд статей о Русском Севере: региональный культурный ландшафт и его циклы (2005), Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: Постановка проблемы (2007), Русский Север и его вековые геополитические тренды (2010), О геоконцепте Русского Севера (2011). Анализ гуманитарных исследований региона, выполненных крупными учёными, позволил В.Н. Калуцкову выявить наиболее типичные комплексные характеристики, к которым относятся: удалённость, окраинное положение Русского Севера, отсутствие крепостного права и помещичьих землевладений, суровые природные условия, севернорусский жилищный комплекс, слабая освоенность территории, комплексный тип крестьянского хозяйства, полиэтничность при ведущей роли севернорусской традиционной культуры, севернорусские диалекты, старообрядчество и народное православие. В основу авторской образной карты Русского Севера В.Н. Калуцкова положены три основных концепта: **вольница**, **северная глушь**, **русская архаика** [9, Калуцков В.Н.].

Рис. 2. Калуцков В.Н. Образно-географическая карта Русского Севера (2018).

Историко-культурные группы русского народа

Русская нация характеризуется единством языка, большой общностью материальной и духовной культуры. Однако такое единство не исключает региональных различий, а некоторые из них восходят в своей основе к глубокой древности, подчёркивалось в разделе «Историко-культурные группы русского народа» первого тома «Этнографических очерков». Деление населения на историко-культурные группы, а не бесплодные дискуссии только вокруг да около поморской идентичности, представляются мне оптимальным научным подходом при исследовании концепта «Русский Север». Автор указанного выше раздела — крупней-

ший специалист по этнографии русского народа, доктор исторических наук Г.С. Маслова (1904–1991 гг.) отмечала, что своеобразные историко-культурные группы возникали как следствие различных переселений из одной области в другую, формирования военнослужилого населения на границах государства (казаки, однодворцы и пр.). Она выделяла в своём труде северную, южную, среднерусскую, переходную и другие группы, Крайний Север [10, с. 125, 143–147].

Северная группа. Характерные севернорусские черты культуры и быта и северный «окающий» диалект прослеживаются на территории примерно от бассейна р. Волхова на западе до р. Мезени и верховьев Камы и Вятки на востоке (т.е. Новгородская обл., Карельская АССР, Архангельская, Вологодская, часть Калининской, Ярославской, Ивановской, Костромской, Горьковской и других областей). По сути, это и есть «Русский Север», хотя в цитируемом издании 1964 г. такой термин использовался только в контексте того, что деревянное зодчество русского Севера отличалось богатством и разнообразием отделки внешних частей зданий. В состав северной историко-культурной группы не была включена Мурманская область (Кольский Север), Коми республика (северо-восток), географическое пространство которых осваивалось в XI–XV вв. Изучение диалектных различий даёт интересный и ценный материал для выяснения этнической истории русского народа, миграционных процессов и явлений, а также проблем культурных взаимовлияний между отдельными народами нашей страны. Древнейшие памятники письменности свидетельствуют о том, что новгородскому говору XI–XII вв. уже было свойственно «цоканье», которое отсутствовало в Киевской земле. В составе севернорусского наречия выделялось пять групп: архангельская, или поморская; олонецкая; западная, или новгородская; восточная, или вологодско-кировская; и владимирско-поволжская.

Южная группа включала, по определению Г.С. Масловой, большую часть Рязанской, Пензенской, Калужской областей, Курскую, Липецкую, Орловскую, Тульскую, Тамбовскую и др. Южнорусские черты в культуре, быте населения и южный «акающий» диалект преобладали на территории от бассейна реки Десны на западе до Пензенской области на востоке и примерно от Оки на севере и до бассейна Хопра и среднего Дона на юге.

Среднерусская группа занимала территорию, главным образом Волго-Окского междуречья, где с XIV в. началось объединение вокруг Москвы русских княжеств и происходило формирование основного ядра русской народности. По современному административному делению — это Московская, Владимирская, север Рязанской, Калужской, части Калининской, Ярославской, Горьковской, Костромской, Ивановской и некоторых других прилегающих областей. Выделяемая диалектологами область среднерусского переходного диалекта (по линии Псков, Калинин, Москва, Рязань, Пенза, Саратов) несколько уже той области, которая выделяется по этнографическим данным. Среднерусская группа является как бы связующим звеном между северным и южным русским населением. В её материальной и духовной культуре сочетались северные и южные черты. С другой стороны, многие местные характер-

ные особенности (в одежде, постройках, обычаях) получили широкое распространение на севере и юге.

По диалектологическим и этнографическим данным в *переходную группу* между северным и средним, средним и южным русским населением, а также русскими и белорусами входило населения древней русской территории в бассейне реки Великой, верховьев Днепра и Западной Двины (Псковская, Смоленская, части Калининской и других прилегающих областей). Кроме указанных выше и других крупных этнографических групп и подгрупп, выделялось русское население Сибири, русскоустинцев на реке Индигирке, марковцев в устье реки Анадыря и другие более мелкие своеобразные группы русского населения, имеющие особые названия или самоназвания. *Крайний Север* — побережье Белого моря, населяли, например, поморы. Поморы, по мнению Г.С. Масловой, скорее географический, чем этнографический термин и означает: 1) население берега Белого моря от реки Онеги до Кеми; 2) жителей северного морского побережья. Поморы, являющиеся потомками древних новгородских поселенцев, сходны по своей материальной и духовной культуре с остальным русским населением Севера и отличаются главным образом особенностями хозяйственного быта; издавна они слыли смелыми мореходами, охотниками на морского зверя и опытными рыбаками. В целом, анализ историко-культурных групп Г.С. Масловой фактически является фундаментом, научной основой для понимания сущности концептов «Русский Север», «Крайний Север», «Сибирь» и других регионов России как в прошлом, так и в настоящем времени.

Этнография Русского Севера

Значительное количество фактов и концепций, связанных с исторической эволюцией восточнославянских народов, накопила этнография. Этнографическое исследование Севера началось с XVIII в., со времён М.В. Ломоносова, и продолжается до сих пор. «Русским Севером» ответственные редакторы книги «Фольклор и этнография Русского Севера» доктор филологических наук *Б.Н. Путилов* (1919–1997 гг.) и доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *К.В. Чистов* (1919–2007 гг.) определяли северные области европейской части СССР, преимущественно заселённые русскими. С точки зрения этнографии — территория, на которой был распространён комплекс севернорусской традиционной бытовой культуры, по своей географической конфигурации весьма сходная с зоной севернорусских диалектов. С точки зрения диалектологической — это районы, в которых проживали носители севернорусских диалектов. Известные учёные подчёркивали актуальность детального изучения истории заселения Русского Севера выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. К числу особенностей развития Русского Севера, без исследования которых нельзя понять многих процессов, сыгравших важную роль в социально-экономической истории нашей страны, они относили то, что северные территории не были затронуты татаро-монгольским нашествием в XIII–XV вв., не охвачены наиболее жестокой —

помещичьей (частновладельческой) формой крепостного права в XVII–XIX вв. Севернорусские области сформировались как естественное хранилище народных бытовых традиций и народной художественной культуры, прославились замечательными образцами народной архитектуры, вышивки, резьбы, отчасти росписи. Здесь были открыты всемирно известные русские эпические песни (былины), записано большое количество старинных народных песен, причитаний и сказок, отличающихся неповторимым своеобразием и высокими художественными достоинствами [11]. При этом подчёркивалось, что многие проблемы изучения истории и культуры Русского Севера ещё ждут своей разработки, что, по-моему, актуально и сегодня, в первой четверти XXI в.

Профессор К. В. Чистов в 1948–1960 гг. организовал и возглавлял многочисленные научные экспедиции по изучению народной (крестьянской) культуры Русского Севера. Среди его известных учеников была *Т.А. Бернштам* (1937–2008 гг.), автор нескольких монографий по этнографии Русского Севера. *Русским Севером* (или просто Севером) она определяла территорию, лежащую к северу от той области, которую восточное славянство освоило при расселении в условиях первобытно-общинного строя, до того, как часть восточных славян стала осознавать себя русскими. Северная граница области доминирования восточных славян к IX в. проходила на восток от южной части Чудского озера, пересекала реку Волхов, поворачивала за рекой Метой к юго-востоку, пересекая верховье реки Волги, достигала реки Оки западнее Муромы. Далее, к востоку, эту границу можно условно продолжить по правому берегу реки Оки, Волги, по нижнему течению рек Камы, Белой и Уфы до Уральских гор. Восточная граница западной части Русского Севера условно может быть проведена от слияния Оки с Волгой, через нижнюю Вычегду и по реке Мезени — до Белого моря. В результате многочисленных экспедиций 1960–1990-х гг. на Русском Севере (Архангельская, Мурманская, Вологодская области, Карелия), Татьяной Александровной были собраны значительные полевые материалы, лёгшие затем в основу сборников «Русский Север» по проблемам этнокультурной истории, этнографии и фольклора, культурной традиции локальных групп, других аспектов уникального в этнокультурной истории и народной традиции [12].

Традиционной культуре Русского Севера посвящены монография, диссертация доктора филологических наук, другие научные труды профессора *Н.В. Дранниковой*. Её исследования выполнены на материалах записей, сделанных во время экспедиций на территории Русского Севера и Северо-Запада России (Архангельской, Вологодской, Кировской, Мурманской, Новгородской областей, Карелии и Республики Коми). Историко-культурная память социума является неотъемлемой частью локальной идентичности [13].

Русский Север в истории России

История древних людей, осваивавших побережье и острова Белого, Баренцева и Балтийского морей, как в доступных источниках, так и в научной литературе, включает значительный перечень знаний. Славянский язык прошёл долгий путь развития в рамках более

древней и более обширной языковой общности — индоевропейской: «с известным вероятием относимой к V–IV тысячелетиям до н.э., к определённом пространственно ограниченному локусу («прародина»), к конкретной археологической культуре, — подчёркивал академик РАН В.Н. Топоров (1928–2005) [14, с. 49–50].

Колыбелью будущего Русского Севера исторически стал Великий Новгород в первом тысячелетии н.э. Рюрик пришёл к Ильмень озеру, срубил над рекою Волхов город «и нарече его Великий Новгород». Упоминание словен, Гостомысла (790–860) около озера Ильмень, названия «Русь», — встречается в Ипатьевской и в Воскресенской летописях «О Великом Новгороде и о Руси». Приход Рюрика и его братьев описывался Нестором Киевским (1056–1114 гг.) в «Повести временных лет», дата её написания около 1110–1118 гг., но оригинал не сохранился. Автором Иоакимовской летописи был первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин (992–1030 гг.). По просьбе великого князя Владимира, патриарх Константинопольский с 979 г. по 991 г. Николай II Хрисоверг прислал в Россию несколько священнослужителей, в числе которых был Иоаким. Более поздние русские летописи XIV–XVI и даже XVII вв. зафиксировали последующие этапы освоения северных земель и в основном окончательное его заселение к концу этого периода². В «Повести временных лет», других летописях, среди народов, обитавших в странах полуночных, назывались: весь, чудь, пермь, печора, югра, корела, лопь, самоедь, тоймокары³.

Профессор С.Н. Азбелев (1926–2017 гг.) тщательно проанализировал сведения о Гостомысле, который был известен не только по русским летописям, но западноевропейским хроникам IX в., как король государства ободритов [15, с. 381–392]. Он исследовал также летописание Великого Новгорода, летописи XI–XVII вв. как памятники культуры и как исторические источники. «Русь» — более древнее слово, чем «варяги», — подчёркивали доктора исторических наук Д.С. Раевский (1941–2004 гг.) и В.Я. Петрухин [16].

В историю Великого Новгорода, Новгородской вечевой республики (1136–1478 гг.), развитие его государственности, внесли значимый вклад доктора исторических наук В.О. Ключевский (1841–1911 гг.), Д.С. Лихачёв (1906–1999 гг.), К.А. Неволин (1806–1855 гг.), С.М. Соловьёв (1820–1879 гг.), В.Л. Янин (1929–2020 гг.) и другие учёные. Анализируя исландские саги, А.А. Васильев в середине XIX в. пытался создать древнюю историю Северной России без варягов. Он в своей книге, как и ранее М.В. Ломоносов, критиковал норманскую теорию, доказывал славянство варягов как русов, приводил названия страны, встречающиеся в зару-

² Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950; Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1950; Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Том 26.

³ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Том седьмой. — СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1856. С. 262. О великом князе Рюрике, от его же начнется великое княжение Русское и народ наш Русью наречется // ПСРЛ. Том второй. Ипатьевская летопись. Санктпетербургъ: в типографии Эдуарда Праца, 1845. С.235-236. Повесть временных лет. — Москва, Ленинград, 1950. Том 1. С. 10, 167. Новгородская первая летопись. Ленинград, 1950. С. 27, 260. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). Москва, 1949. 407 с. Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т.33. Ленинград: Изд-во «Наука» Ленингр. отделение, 1977. С. 10-147. Двинской летописец // ПСРЛ. Т.33. Ленинград: Изд-во «Наука», 1977. С. 148–221.

бежных источниках: Russi, Russia, Rugia, Ruthenia, Risaland. Славяне Севера за много столетий до Рюрика имели осёдлость, значительность, гражданственность и законы. Были войны и замирения, существовали города, благоустроенные общины. Сведения по истории северных славян, по мнению А.А. Васильева, должно искать на Севере, собрать для сего предания в Швеции, Норвегии, Дании, Пруссии, Исландии. Он считал, что Биармия было сильное восточное государство, занимавшее нынешние Архангельскую, Вологодскую, Вятскую и Пермскую губернии — и уже в последующие столетия вступившее в состав Новгородского владения [17, с. 36]. Ещё задолго до открытия Гренландии и Винланда (Америки), в то время, когда населялась Исландия, древние скандинавы ходили на своих судах в самые северные страны, лежавшие в Ледовитом море, к берегам Белого моря и богатой Бьярмии, — излагал в десятой главе своего труда о поездках скандинавов в Бьярмию, член Шведской Академии наук Андерс Магнус Стриннгольм (Anders Magnus Strinholm, 1786–1862 гг.) [18]. О поездке норманнов на Белое море имеется историческое свидетельство, которое находится в англосаксонском переводе «Истории против язычников», автором которой является Павел Орозий (Paulus Orosius, около 385–420 гг.) [19]. Локализация мест, посещённых викингами, вызвала в научной среде дискуссию, детали которой тщательно исследовали Карл Тиандер, Г.В. Глазырина, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон и другие учёные. В скандинавских сагах упоминались топонимы: Vjarmaland — Земля бьярмов, Kirjalaland — Земля карел; гидронимы Gandvik — Белое море, Vina — Северная Двина; Новгород, Хольмгард — Holmgaror; Russaland — Земля руссов и др. В большинстве саг конечным пунктом походов скандинавов называлось устье реки Северная Двина⁴.

Славянская колонизация из новгородских земель шла в Нижнее Подвине по реке Онеге и другим рекам, озёрам, а затем в Белое море. Второй путь из Ростово-Суздальского, Московского княжеств проходил по Сухоне, верхней и средней Двине. Земледелие, сельское хозяйство было основным занятием славян. Поэтому они селились по берегам рек и озёр, пригодным для земледелия [20, Седов В.В., с. 236]. К концу 70-х гг. XI в. Великий Новгород уже распространил свои погосты в Заволочье [21, Насонов А.Н., с. 100]. Открытие новых географических путей, землепроходство к Уралу и в Сибирь, сбор дани в Заволочье, на Северной Двине, Печоре, Югре происходили в XI–XV вв. Огромные пространства северных земель с низкой плотностью населения из местных охотников и рыболовов, освоение славянами северной тайги, речных долин, пригодных для земледелия и скотоводства, более высокий уровень культуры — эти и другие обстоятельства предопределили в основном мирный, ненасильственный характер славянской миграции на север, в отличие от более позднего поко-

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. Сост. частей VI, IX, X — Г. В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI — Т. Н. Джаксон; частей I, II, XII — Е. А. Мельникова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 384 с. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты. Перевод. Комментарий / [Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории]. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1996. Джаксон Т.Н. «Austr í Gördum», древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки русской культуры, 2001. 207 с.

рения Сибири. Освоение новгородцами ойкумены северных земель не приводило к столкновению с аборигенным населением, основным занятием которого традиционно было рыболовство и охота. Славяне пахали землю и возделывали злаки. Каждый из этносов тяготел к разным природным участкам расселения в северной ойкумене, не мешая друг другу. Землепроходство на Печору, Югру, за Урал, в отличие от колонизации Заволочья, Двинской земли, побережья Белого моря, не ставило своей целью заселение этих далёких и суровых мест, ограничивалось только сбором дани. Ассимиляция славян с местными финно-угорскими местными племенами способствовала взаимопроникновению разных культур, торговле, социально-экономическому развитию северных земель. Освоение новгородцами северных территорий отличались религиозной терпимостью и носило преимущественно торгово-экономический, а не военный характер, хотя не исключались и характерные для того времени жестокие сражения.

В обживании славянской ойкумены Русского Севера важную роль играло христианское православие, приходские церкви, монастыри, часовни, обетные кресты. Действующие православные монастыри, приходские церкви несли красоту и святость в жизнь, обустройство всей окружающей ойкумены, как древние центры христианского просвещения, письменности, летописания, иконописания. Неоценим их вклад в культуру, архитектуру, живопись, искусство, книгопечатание, архивное дело, организацию библиотек. Многофункциональные православные монастыри, в том числе и на Русском Севере, были не только монашеской обителью, духовными центрами культуры, христианского просвещения и искусства, но и всегда выступали защитниками православной веры. Примеров тому в отечественной истории существует множество. Страной монастырей называл Россию Джильс Флетчер (1548–1611 гг.), доктор права, английский дипломат, посетивший Россию в 1588–1589 гг. в царствование Федора Ивановича [22].

О масштабах военных нападений на земли Великого Новгорода, Новгородской вечевой республики с западного и северо-западного направлений можно судить по следующим весьма впечатляющим цифрам, которые приводил академик РАН Д. С. Лихачев в своём известном труде «Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.». Новгородцы настойчиво, упорно, мужественно вели непрестанные оборонительные войны на своих границах, твёрдо держа щит над всем северо-западом Руси. За время с 1142 по 1446 гг. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией. Существовало два основных направления иностранной экспансии в XII—XV вв. на земли Новгородской республики — западное и восточное. Д.С. Лихачёв обоснованно подчёркивал исключительно значение Новгорода для сбережения культуры всей русской земли в тяжкие годы «томления и муки татаро-монгольского ига». Орды Батыя не дошли до Новгорода, Холмогор и других городов на Севере, счастливо избегнувших разгрома и разрушений. Это позволило развивать культуру, зодчество, сохранить рукописные богатства Древней Руси, книжную образованность, фресковую живопись, иконописание на Русском Севере [23]. Во-

оружённые конфликты, их исход, поражения или победы, переговоры, заключаемые перемирия, безусловно не могли не сказываться на всей жизнедеятельности ойкумены Русского Севера.

Крестовые походы — это попытка мечом, используя силу, объединить и расширить христианский католический мир под властью римского папства в XI–XV вв. В 1096–1270 гг. состоялось восемь крестовых походов, нацеленных, в первую очередь, на Палестину, захват Иерусалима с Гробом Господним. Северные крестовые походы датских, немецких и шведских рыцарей были направлены уже на Балтику, на земли Польши, Эстонии, Финляндии, Карелии, Новгородской и Псковской вечевых республик, где действовали постоянные миссии христианских православных церквей, правда не той веры, которой следовал католик папа римский. Необходимо выделить ещё одну особенность северных крестовых походов — их многовекторность на первом этапе, а затем упорное стремление наказать, разорить, покорить именно славянские государственные образования, в первую очередь Новгород и Псков. В 1232 г. римский папа Григорий IX призвал крестоносцев фактически к наступлению на новгородские земли. В ходе Ливонского похода 1240–1242 гг. немецкие рыцари захватили Изборск и Псков, но потерпели поражение от Новгородской вечевой республики. Нападения шведских, литовских и других иностранных ратей на Новгород, Псков, Русский Север совершались якобы с целью христианизации этнических племён, обращения православных славян в католицизм. Реально же чаще всего их целью являлась колонизация силой оружия, «обыкновенный» захват чужих земель, новгородских владений и грабёж населения. Поход Магнуса в 1348 г. стал последним из «крестовых походов» шведских рыцарей на земли Новгородской республики. Древняя Русь, Великий Новгород, Псков были к тому времени фактически составной частью всего христианского мира и вполне единой страной. Попытки Новгородской вечевой республики отстаивать свои экономические и политические интересы в XIII–XIV вв. воспринимались как помощь и пособничество язычникам, что служило как бы идейным оправданием экспансии крестоносцев. По сути, под видом христианизации осуществлялась насильственная колонизация завоёванных крестоносцами земель, появились новые города на месте прежних поселений (Рига, Берлин, Ревель, Выборг), государственные образования, владения Тевтонского и Ливонского духовно-рыцарских орденов.

На Русском Севере, по мнению многих исследователей, сохранились такие архаические обряды, ритуалы, традиции, которые древнее не только древнегреческих, но и зафиксированных в Ведах, самом древнем памятнике культуры всех древнеиндийских народов. Известный российский специалист по истории и культуре Русского Севера С.В. Жарникова (1945–2015 гг.) проанализировала на конкретном материале истоки народной культуры, обряды и праздники, сказки, былины, заговоры, семантику народного костюма, архаические корни северорусского орнамента; санскритские корни в топо- и гидронимии Русского Севера [24, Жарникова С.В., с. 57–69].

Общий обзор экономической и промышленной жизни русского Севера выполнил А.П. *Энгельгард*, губернатор Архангельской губернии в 1893–1901 гг., в книге «Русский Север: путевые записки» (1897 г.). При этом концепт «Русский Север» используется только в названии всей книги и общем обзоре. Конкретное определение этого концепта далее в тексте отсутствует. Если косвенно судить по оглавлению содержания текста его труда, А.П. Энгельгард включал в структуру Русского Севера Кемский и Кольский уезды, Корела или Корелія, Поморье, Лапландия, Мурман, Новая Земля, Печорский край, Зыряне, Самоеды [25, с. 1-15]. Основатель Печорской естественно-исторической станции, исследователь хозяйства и социальной сферы Русского Севера А.В. *Журавский* (1882–1914) в работе «Европейский Русский Север. К вопросу о будущем и прошлом его быта» (1911 г.) использует концепт «Русский Север», употребляя его в контексте фактической жизни русского Севера любви к России и русскому Северу на основе веры и служения делу [26, с. 6,12].

Громадные пространства, занимающие северную часть восточно-европейской равнины от берегов Ледовитого океана и до водораздела, отделяющего левые притоки верхней и средней Волги от бассейнов рек крайнего Русского Севера, и от русско-норвежской границы до Уральского хребта» (1919 г.), — на первый, поверхностный взгляд могут показаться странной неприветливо-суровой, малопривлекательной по низкому уровню культурного развития, малообещающей по однообразию природных условий и естественных богатств. Однако А.А. *Кизеветтер* (1866–1933 г.), магистр (1903 г.), доктор русской истории (1909 г.), приват-доцент (1893–1909 г.), профессор Московского университета (1909–1911 г., 1917–1920 г.), не мог согласиться с таким образом в форме мёртвого капитала, якобы его прозябанием. Этот край входил в прошлые эпохи исторической жизни в состав русской земли не в виде неподвижной мёртвой гири, привешенной к русскому государственному организму и своей тяжестью тормозившей свободное раскрытие внутренних сил этого организма, а в виде жизнеспособной питающей его клеточки, существенно содействовавшей его общему внутреннему преуспеванию. Во второй главе «Русский Север и Новгородская Держава» А.А. Кизеветтер обосновал, что Русский Север реально привлекал переселенцев из владений господина Великого Новгорода и Суздальской земли своими огромными пространствами, свободной землёй, природным изобилием, пушными и другими богатствами, возможностями ведения рыбного и соляного промыслов, земледелия, предпринимательской деятельности. Север изобильно снабжал внутренние области Московского государства продуктами своей местной промышленности, среди которых наиболее важное место принадлежало рыбе (особенно сёмге), соли, салу, коже морских зверей и мехам; на Севере сосредоточивалась почти вся внешняя торговля государства; Север служил главным соединительным звеном между европейской Россией и Сибирью в торговом отношении. В XVI и XVII вв. Московская Русь получала обильные плоды от промышленного подъёма «русского Севера», но в XVIII в. началось ослабление экономического и политического значения Северного края [27, Кизеветтер А.А., с. 3–4, 12–22, 58–66].

Исследуя историко-культурное развитие и идентичность населения, *И.В. Власова* (1935–2014 гг.), доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, давала следующее определение Русского Севера: «Территорию от Ледовитого океана на севере до водораздела Волга — Северная Двина на юге, от Карелии на западе до Уральских гор на востоке принято называть «Русским Севером», хотя её населяют не только русские, но и карелы, коми, вепсы, саамы (лопари), ненцы. В XVII–XVIII вв. существовали и иные названия этой территории: Поморье, Север, Северная Русь. С XIX в. известно название «Европейский Север», в отличие от северных земель за Уральским хребтом [28, с. 16].

Всесторонне познавший тайны Севера доктор исторических наук, профессор *В.Н. Булатов* (1946–2007 гг.), опубликовал в 1997–2006 гг. пять книг по истории Русского Севера и фундаментальный учебник «Русский Север» в рамках «Гаудеамус: Академический проект» [29]. Известны и другие его научные публикации. В числе изданных *Г.П. Поповым* (1928–2019 г.) трудов известны его работы по истории Архангельского порта (1992 г.), губернаторов Русского Севера. *Г.П. Попов* и *Р.А. Давыдов* в соавторстве опубликовали книги об обороне Русского Севера в годы Крымской войны, морском судоходстве на Русском Севере в XIX — начале XX вв. и др.

Русский Север — культурное пространство русских земель

Русский Север — это не только социально-экономическое, геополитическое, но и обширное культурное пространство русских земель на Европейском Севере России. Культура во всех её проявлениях, язык как её часть и искусство надёжно объединяли людей, населяющих пространство ойкумены Русского Севера, ничуть не меньше, чем сила власти или социально-экономические отношения.

Кандидат искусствоведения *А.К. Чекалов* (1928–1970) отмечал, что область культуры великорусского Севера, границы которой принято в этнографии определять по признаку типичных форм жилища, одежды, а также языка, включала не только Обонежье, Белозерский край, Северодвинскую область (включая и районы рек Сухоны, Ваги, Пинеги), Мезенские и Печорские земли, но и некоторые районы южнее линии Белозерск—Вологда—Великий Устюг, Череповец, северные части Ярославского и Костромского края. Обширная Северодвинская область на Русском Севере была наиболее оживлённой и богатой торговоремесленной зоной с крупными городами и местным крестьянским самоуправлением. На востоке северные типы растворялись в культурах Коми и Вятско-Пермского края. Так же была размыта западная граница великорусской культуры, где она смешивается с карелофинской [30, с. 37].

Доктор филологических наук, профессор, академик РАН *Д.С. Лихачев* (1906–1992 гг.) отмечал уникальность современного Русского Севера как памятника мировой и отечественной культуры, как сокровищницы крестьянских, мореходных, рыболовецких, ремесленных и культурных традиций. В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошло-

го, современности и русской истории — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской, человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха. Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, тем, что он самый русский и сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжёлые времена русской истории — эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие ⁵.

Историю культуры Русского Севера 988–1917 гг. глубоко и всесторонне исследовал в своей монографии доктор исторических наук, профессор *Г.С. Щуров* (1935–2012 гг.). В разделе «Художественное творчество» им было показано, как народное, — художественное, литературное, музыкальное, изобразительное, театральное творчество, зодчество. Во втором разделе «Во исполнение сохранения духовных ценностей» раскрывались музейное дело, монастырские и светские библиотеки. Несомненным успехом автора этого уникального научного труда являются третий и четвёртый разделы о духовном и светском образовании, первооткрывателях и народных целителях, М.В. Ломоносове, учёных основоположниках фундаментальных направлений, научных обществ и первых научных учреждений [31]. Монография была признана лучшей книгой 2004 года, представлена в Москве и Париже на книжных выставках.

Доктор культурологии *А.Б. Пермиловская* известна как автор монографий о северном, крестьянском доме в культуре Русского Севера (XIX — начало XX в.), о Русском Севере как особой территории наследия, русском деревянном зодчестве, культурных смыслах народной архитектуры Русского Севера, о Сибири и Русском Севере: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XIX — начало XXI в.). В 2004 г. Анна Борисовна создала новое направление исследований, проведя комплексное исследование народной архитектуры Русского Севера как отражения культурных смыслов жизни уникального российского региона, сформировала и обосновала понятие «Русский Север — особая территория наследия». В одной из своих статей *А.Б. Пермиловская* под Русским Севером обосновано понимала огромную территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, включающую современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелия и Республику Коми [32, с. 155–163]. Здесь из современного пространства Русского Севера исключена только Новгородская область, откуда исторически и началось освоение северных земель более тысячи с лишним лет тому назад. В целом же такое широкое понимание современного Русского Севера ещё не всегда находит отра-

⁵ Лихачев Д.С. Русский Север. 25 апреля 2012 г. URL: <http://www.tradicii.info/ru/lihachev-ru/98-russkij-sever-lihachev.html> (дата обращения: 24.06.2022).

жение в публикациях других авторов, которые под «Русским Севером» понимают только его малую часть — Архангельский Север или Карелию, Кольский Север, забывая историю формирования и развития всего Русского Севера как огромной единой северной территории, что отмечали ранее Н.А. Макаров, Т.А. Бернштам и другие учёные.

Известным специалистом в области этнографии Русского Севера, истории и этнографии Архангельска, морской культуры народов Европейского Севера, истории колоколов и колокольного звона, был *А.Н. Давыдов* (1951–2016 гг.), член научного совета РАН по истории мировой культуры.

Поэзия пространства северной ойкумены: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в северном тексте русской литературы, северный текст как логосная форма бытия Русского Севера; социокультурное пространство северной русской деревни; динамика культуры Русского Севера в условиях современных социальных трансформаций; этничность и культура: проблемы дискурс-анализа исследовались в трудах профессоров *Е.Ш. Галимовой, В.Н. Матониной, Ю.П. Окунева, А.Н. Соловьёвой*. При участии Е.Ш. Галимовой реализован научный проект о проведении в 2019 г. Всероссийской научной конференции с международным участием «Северный текст русской литературы: Русский Север в системе точек зрения».

Исследуя проблемы археологии, этнологии, философии культуры и сакральной географии народов Европейского Севера, доктор философских наук *Н.М. Теребихин* выявил особенности северно-русского традиционного пространственного менталитета, что важно для понимания смыслов освоения ойкумены Русского Севера. Каждый этнос обладает известным специфическим набором неосознаваемых привычек, стереотипов пространственного поведения и мироощущения, которые и определяются понятием пространственного менталитета. Процесс освоения макропространств Севера, по Н.М. Теребихину, отражал центробежные устремления русской души, направленные на уход от мира сего и открытие русского простора [33, Теребихин Н.М., с. 3–210].

Русский Север и М.В. Ломоносов

Уникальное место в концептуализации Русского Севера занимает жизнь и труды *М.В. Ломоносова* (1711–1765 гг.). В своих трудах по русской истории *М.В. Ломоносов* не употреблял концепта «Русский Север». Однако он сам по себе стал знаковой фигурой, чей уникальный образ учёного ассоциируется именно с Русским Севером. Михаил Васильевич акцентировал внимание на том, что народы от имён не начинаются, имена народам даются, что давно известны по летописям старобытные в России славяне и чудь. Пермия, кою они Биармиею называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами; почитал идола Иомалу. «Чудь» со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. Русский Север не случайно стал в XVIII в. родиной одного из величайших

русских учёных. Очень важно понять именно эту взаимосвязь, а не заикливаться только на том, когда впервые концепт «Русский Север» появился в истории.

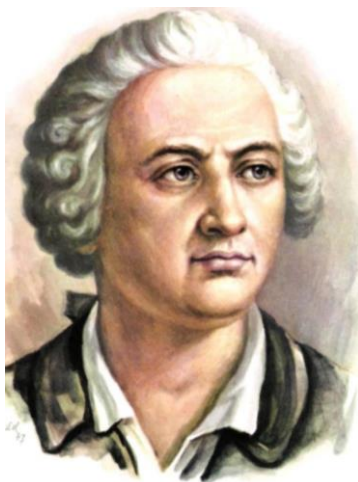

Рис. 3. М.В. Ломоносов.

Русский Север, где проходили детство и юность М.В. Ломоносова, оказал большое влияние на его научные интересы, подчёркивала доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) Д.А. Ширина. М.В. Ломоносов изучал северные сияния, природу холода и тепла, особенности морского льда, возможность проведения северных морских экспедиций, условия продвижения по Северному Ледовитому океану и ряд других вопросов, связанных с освоением арктических территорий [34].

По мнению заслуженного работника высшей школы РФ, доктора педагогических наук, профессора Т.С. Буториной (1946–2018 гг.), в рождении гения М.В. Ломоносова ведущую роль сыграли именно особенности социально-экономической и культурной среды Русского Севера, его уникальные историко-культурные богатства [35, с. 8–13]. Именно здесь он сформировался как гражданин, впитав в себя народные традиции, культуру края и духовные ценности. От старших поколений к младшим передавались нормы поведения людей, требования к личности, семейные ценности, глубокое уважение друг к другу. В людях ценились такие качества, как патриотизм, честность, коллективизм, гуманное отношение к другим, смелость.

Историк Н.Ф. Марков (1854–1916 гг.) отмечал, что Русский Север и Ломоносов — два представления, неотделимые одно от другого. Север, дотоле неподвижный и почти неведомый, ожил с именем Ломоносова в его поэзии и науке. Хотя значение Ломоносова по отношению к Русскому Северу есть, конечно, значение частичное, ибо гений этого человека охватывал интересы всей России, во всех областях её государственной жизни, тем не менее, мы должны признать, что Русский Север входит видною частью в поэзию и науку Ломоносова [36]. Подобные оценки этих и других учёных показывают тесную жизненную взаимосвязь

М.В. Ломоносова с Русским Севером и объясняют его роль в понимании исследуемого концепта.

Цивилизационные волны ойкумены Севера

Владения, ойкумена Новгородской вечевой республики, Великого Московского княжества, а затем России, перманентно возрастали не только за счёт территорий Русского Севера. Постоянно присоединялись и обживались территории Северо-Востока, Сибири и другие. Падение Новгорода в 1478 г., присоединение Пскова в 1510 г. и уничтожение остатков самостоятельности Рязанского княжества в 1521 г. явилось завершением долгой борьбы за создание единого Российского государства с центром в Москве. Так исторически постепенно начиналась складываться цивилизация всего Русского мира. Все историки и публицисты признают воздействие на развитие России неких мощных факторов (причин, условий), которыми обуславливается значительное отличие истории России от истории других стран. Обычно выделяют четыре фактора: природно-климатический, геополитический, конфессиональный, социальной организации. Западники или «европеисты» — В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и др., считали, что Россия — это часть общей европейской цивилизации, и потому Запад и Россия должны развиваться по одним и тем же экономическим, социальным и политическим законам. Западники открыто отказались от традиционного для России духовного наследия православия. Славянофилы — А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ф.Ф. Самарин, И.И. Киреевский и их последователи идею самобытности российской истории связывали с особым путём развития России и своеобразием русской культуры. основополагающей идеей русского православия, а, следовательно, и всего строя русской жизни является идея соборности. Соборность проявляется во всех сферах жизнедеятельности русского человека: в церкви, в семье, в обществе, в отношениях между государствами. Евразийцы — Н.А. Бердяев, П.А. Карсавин, И.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и др., в отличие от славянофилов, настаивали на исключительности России, но не в связи со спецификой русского православия, как считали славянофилы, а русского этноса [37, Соколова Ф.Х.].

Предлагаемая мною авторская периодизация культурно-этнических, цивилизационных волн в России, с учётом Русского Севера, включает в себя пять основных периодов.

- *Древний Север до н.э.* — поздний палеолит, мезолит, неолит, медно-бронзовый и железные века. *Поздний палеолит* — заселение и освоение северных территорий древними людьми, охота, собирательство. *Эпоха мезолита* в X–V тысячелетиях лет до н. э. — рыболовство, появление новых орудий труда, средств передвижения людей. *Неолит, медно-бронзовый и железные века* в V–I тысячелетиях до н. э. — производство и использование меди, бронзы, железа.
- *Дославянский период* освоения Севера до IX–X веков н.э. Освоение северных земель финно-угорскими племенами — чудь заволочская, северные коми, весь и др.

Саамы. Развиваются охота, рыболовство, лесные и морские промыслы, производство железа, меди.

- *Русский Север* в IX–X вв. — 1917 г. — в составе Великого Новгорода, Новгородской вечевой республики, Московского великого княжества с 1478 г., России с XVI в. Пространства к северу от водораздела Волги и Онеги, Волги и Северной Двины, именуемые впоследствии «Русским Севером», первоначально не входили в состав Древнерусского государства. Славяне появились здесь в X–XI вв. и за несколько столетий отодвинули границы Руси на сотни вёрст к северо-востоку, до Белого моря и низовьев Северной Двины, Кольского Севера. С конца XIV в. на Русском Севере после основания Михайло-Архангельского монастыря формируется Архангельский Север. Традиционное общество, самобытная культура, православие и старообрядчество. Ускорение социального расслоения. В экономике северных территорий развивается земледелие, сельское хозяйство, промыслы, внутренняя и внешняя торговля, судостроение, лесопиление и другие отрасли
- *Советский Север* в 1918–1991 гг. Иностранная интервенция Севера в 1918–1920 гг. СССР 1921–1991 гг. Коллективизация, индустриализация, культурная революция, ГУЛАГ. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Создание военно-промышленного комплекса на Севере, трёх полигонов, включая Нёноксу, Новую Землю, космодром «Плесецк»; целлюлозно-бумажной, строительной и других отраслей экономики. Урбанизация региона. Продолжение освоения Арктики, Северного морского пути. Кризис 80-ых гг. XX в. и распад Советского Союза в 1991 г.
- *Российский Север* с 1991 г. по настоящее время — современная цивилизационная волна. Переход к демократии, рынку, постиндустриальной стадии. Разворот к традиционным, в том числе православным, ценностям в условиях противостояния коллективному Западу. Развитие культуры, инфраструктуры, цифровизация всех сфер жизнедеятельности социума. Функционирование Северного морского транспортного коридора в изменяющейся Российской Арктике, обустройство морских портов, дорог. Реализация национальных проектов социально-экономического развития Российской Федерации. Специальная военная операция в Украине, освобождение Донбасса. Формирующееся новое качество современной России с 2022 г.

Пять основных цивилизационных волн России включают по смыслу не только археологию, этнокультурную историю, но и экономику, государственность. Сущность концептуального подхода заключается здесь в том, что в основу предполагаемых классификаций кладутся государственность, культура в самом широком её понимании, эволюция этносов, их движение, религия, традиционные и современные формы хозяйствования, экономика, политика, социум. История Русского Севера как геокультурного, цивилизационного простран-

ства практически неотделима от отечественной истории России на протяжении семи выделенных мною этапов государственности в IX–XXI вв.:

- Великий Новгород 862–1136 гг. и Новгородская вечевая республика 1136–1478 гг. от Балтийского моря до Уральских гор, от Белого моря до верховьев Волги и Западной Двины (Новгородская земля). Псковская и Вятская вечевые республики.
- Киевская Русь 882–1240 гг. Династия Рюриковичей, берущая своё начало в Великом Новгороде.
- Московское княжество 1263–1478 гг.
- Русское государство, Россия 1478–1721 гг.
- Российская империя 1721–1917 гг. Февральская революция.
- Советский период. Октябрьская революция. Гражданская война, иностранная интервенция на Севере. СССР в 1922–1991 гг. Великая Победа в Отечественной войне 1941–1945 гг. Распад союзного государства в 1991 г.
- Российская Федерация: время надежд и разочарований — с 1991 г. по настоящее время. 2022 г. — начало изменений.

Заключение

Человек на Севере жил и живёт в суровых природных условиях. Русский Север — особенный, таинственный, красивый, богатый, необъятный и опасный; людей привлекает, а затем и объединяет, потому что в одиночку его не освоишь, его не возьмёшь, каким сильным и даже дерзким человек не будет. Симон, митрополит Мурманский и Мончегорский, сказал важнейшие слова для понимания смысла обживания ойкумены. *«И на новой волне освоения русского, именно русского, Севера мы не должны забывать, что главным-то является духовная составляющая, культурные ценности, социальная среда»*⁶.

Этническая картина заселения северной ойкумены не остаётся неизменной во времени и пространстве. Ещё до прихода словен, ладожан, новгородцев в X–XII вв. н.э. на Севере уже много столетий жили люди — автохтонное, коренное население. Леса и море, реки и озера обеспечивали развитие северной финно-угорской цивилизации. Основными занятиями были земледелие и охота, рыболовство, лесные и морские промыслы, ремесло. Чудь, меря, карела, мурома в первом тысячелетии нашей эры занимали весь север Восточно-Европейской равнины. Пример чудского вопроса показывает, что для Русского Севера в целом всегда было характерно языковое и культурное разнообразие. Преобладающим этническим элементом в составе новгородской и верхневолжской колонизации было русское население, хотя значительное участие в этом движении принимали и другие этносы.

⁶ Приветственное слово Высокопреосвященнейшего Симона, митрополита Мурманской и Мончегорской // Север России — один из источников её развития и единения народов: материалы региональной науч.-практ. конф. в рамках общественного форума «Всемирный Русский Народный Собор» 28–29 ноября 2014 г. Мурманск: Изд-во Мурманского гос. гуманитар. ун-та, 2015. С. 9–10.

Периодизация, выделение историко-археологических ареалов Русского Севера в XXI столетии от Рождества Христова во многом условны и обоснованы сегодня тем, что в Республиках Карелии и Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской, Ленинградской областях в настоящее время функционируют самостоятельные административные органы власти и управления как полноправных субъектов РФ, сложились свои научные школы и центры, имеющие, в том числе, и региональные источники финансирования.

В парадигме цивилизованности поликультурная православная цивилизация, как и Русский мир, имеют свою непростую историю на протяжении уже двенадцати веков, включая все перечисленные выше этапы государственности, формирующие свою самобытность. Россия по своей значимости является сегодня ключевой частью всего Русского мира. Современный мир изменяется коренным образом. По сути, происходит процесс размежевания глобального геополитического пространства на несколько полюсов экономического, военно-политического могущества, социокультурного многообразия — Евро-Атлантический, Евразийский, Азиатско-Тихоокеанский, Русский мир и др.

Список источников

1. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва: Языки славян, культура, 2008. 400 с.
2. Едовин А.Г. Становление археологической науки в Архангельской губернии (1868–1941) // сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Археология в музейных коллекциях». Архангельск: Лоция, 2019. 232 с.
3. Гурова Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. Москва, Ленинград: Академия наук СССР, 1961. 588 с.
4. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. Москва: Изд-во академии наук СССР, 1961. 128 с.
5. Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // Советская археология. 1986. № 3. С. 61–71.
6. Кузнецова В.П. Целезеро: забыть нельзя, вернуться невозможно...: документы, воспоминания. Архангельск: Лоция, 2021. 255 с.
7. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. В 2-х томах. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1998. Том 1. 464 с. Том 2. 332 с.
8. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. 200 с.
9. Калущков В.Н. Образно-географическая карта Русского Севера // Русский Север — 2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: Сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.). Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. С. 210–215.
10. Этнографические очерки / Под общей редакцией С.П. Толстова, В.А. Александрова, К.Г. Гуслистого, А.И. Залесского, В.К. Соколовой, К.В. Чистова. Москва: Издательство «Наука», 1964. 494 с.
11. Фольклор и этнография Русского Севера: сборник статей / Отв. ред. Б.Н. Путилов, К.В. Чистов; АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 280 с.

12. Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции / Отв. ред. Т.А. Бернштам. Санкт-Петербург, 2004. 415 с.
13. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский государственный университет, 2004. 432 с.
14. Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). Москва: РГГУ, 1998. 320 с.
15. Азбелев С.Н. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. Москва: Русская панорама, 2010. С. 381–392.
16. Раевский Д.С., Петрухин В.Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Москва: Знак, 2004. 416 с.
17. Васильев А.А. О древнейшей истории северных славян до времён Рюрика, и откуда пришёл Рюрик и его варяги. Санкт-Петербург: Типография Главного штаба Е.И.В. по военно-учебным заведениям, 1858. 169 с.
18. Стриннгольм А.М. Походы викингов. Москва: Издательство АСТ, 2003. 736 с.
19. Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2004. 541 с.
20. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982. 327 с.
21. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. Изд. 2-е, стереотип. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 364 с.
22. Флетчер Дж. О государстве русском. Москва: Захаров, 2002. 169 с.
23. Лихачев Д.С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Москва: Советская Россия, 1959. 102 с. Переиздание: Ленинград: Госполитиздат, 1945. 103 с.
24. Жарникова С.В. Архаические корни традиционной культуры русского Севера: сборник научных статей. Вологда: «МДК», 2003. 97 с.
25. Энгельгард А.П. Русский Север: путевые заметки. Санкт-Петербург: издание А.С. Суворина, 1897. 262 с.
26. Журавский А.В. Европейский Русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск: Губернская типография, 1911. 36 с.
27. Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного Края Европейской России в истории русского государства / Исторический очерк. Вологда: Типография Союза северных кооперативных союзов, 1919. 66 с.
28. Власова И.В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. Москва: ИЭА РАН, 2015. 376 с.
29. Булатов В.Н. Русский Север. Москва: Гаудеамус: Академический проект, 2006. 570 с.
30. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. Москва: Искусство, 1974. 191 с.
31. Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988–1917. Архангельск: Правда Севера, 2004. 551 с.
32. Пермиловская А.Б. Русский Север — специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2 (32). С. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345
33. Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.
34. Ширина Д.А. Арктика и Север в трудах М.В. Ломоносова // Наука и техника в Якутии. 2011. № 2 (21). С. 3–7.
35. Буторина Т.С. Ломоносов и Север // Ломоносов и Север: библиографический указатель / Сост. З.В. Истомина; отв. ред. Е.И. Тропичева; Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова. Архангельск, 2011. С. 8–13.
36. Марков Н.Ф. Русский север в произведениях М.В. Ломоносова: Речь, читанная в торжественном собрании «Вологодского общества изучения Северного края» в день чествования 200-летия памяти Ломоносова 8 ноября. 1911 г. Вологда, 1912. 17 с.
37. Соколова Ф.Х. История России: учебно-методическое пособие. Архангельск: Изд-во Кира, 2013. 126 с.

References

1. Yanin V.L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the History of Medieval Novgorod]. Moscow, Yazyki slavyan, kul'tura Publ., 2008, 400 p. (In Russ.)
2. Edovin A.G. Stanovlenie arkhelogicheskoy nauki v Arkhangel'skoy gubernii (1868–1941) [The Formation of Archaeological Science in the Arkhangelsk Province (1868–1941)]. In: *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Arkheologiya v muzeynykh kollektsiyakh"* [Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Archaeology in Museum Collections"]. Arkhangelsk, Lotsiya, 2019, 232 p. (In Russ.)
3. Gurova N.N. *Drevnyaya istoriya Severo-Zapada Evropeyskoy chasti SSSR* [Ancient History of the North-West of the European Part of the USSR]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1961, 588 p. (In Russ.)
4. Formozov A.A. *Ocherki po istorii rusской arkheologii* [Essays on the History of Russian Archeology]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1961, 128 p. (In Russ.)
5. Makarov N.A. Arkheologicheskie dannye o kharaktere kolonizatsii Russkogo Severa v X–XIII vv. [Archaeological Data on the Nature of the Colonization of the Russian North in the X-XIII Centuries]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1986, no. 3, pp. 61–71.
6. Kuznetsova V.P. *Tselezero: zabyt' nel'zya, vernut'sya nevozmozhno...: dokumenty, vospominaniya* [Celezero: Impossible to Forget, Impossible to Return...: Documents, Memoirs]. Arkhangelsk, Lotsiya, 2021, 255 p. (In Russ.)
7. Yasinski M.E., Ovsyannikov O.V. *Vzglyad na Evropeyskuyu Arktiku: Arkhangel'skiy Sever: problemy i istochniki. V 2-kh tomakh* [A Look at the European Arctic: Arkhangelsk North: Problems and Sources. In 2 Vol.]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998, vol. 1, 464 p.; vol. 2, 332 p. (In Russ.)
8. Ryabinin E.A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevney Rusi: k istorii slavyano-finskikh etnokul'turnykh svyazey: Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Finno-Ugric Tribes as Part of Ancient Russia: On the History of Slavic-Finnish Ethno-Cultural Relations: Historical and Archaeological Essays]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1997, 200 p. (In Russ.)
9. Kalutskov V.N. *Obrazno-geograficheskaya karta Russkogo Severa* [Image-Geographical Map of the Russian North]. In: *Russkiy Sever — 2018: Problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya: Sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Tot'ma, 1–4 marta 2018 g.)* [Russian North – 2018: Problems of Studying and Preserving the Historical and Cultural Heritage: Collection of Materials of the II All-Russian Scientific Conference with International Participation (Totma, March 1–4, 2018)]. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2018, pp. 210–215. (In Russ.)
10. Tolstov S.P., Aleksandrov V.A., Guslistyy K.G., Zalesskiy A.I., Sokolova V.K., Chistov K.V., eds. *Etnograficheskie ocherki* [Ethnographic Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 494 p. (In Russ.)
11. Putilov B.N., Chistov K.V., eds. *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa: sbornik statey* [Folklore and Ethnography of the Russian North: Collection of Articles]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1973, 280 p. (In Russ.)
12. Bernshtam T.A., ed. *Russkiy Sever: Aspekty unikal'nogo v etnokul'turnoy istorii i narodnoy traditsii* [Russian North: Aspects of the Unique in Ethno-Cultural History and Folk Tradition]. Saint Petersburg, 2004, 415 p. (In Russ.)
13. Drannikova N.V. *Lokal'no-gruppovye prozvishcha v traditsionnoy kul'ture Russkogo Severa: Funktsional'nost', zhanrovaya sistema, etnopoetika* [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North: Functionality, Genre System, Ethnopoetics]. Arkhangelsk, Pomorskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2004, 432 p. (In Russ.)
14. Toporov V.N. *Predystoriya literatury u slavyan: Opyt rekonstruktsii (Vvedenie k kursu istorii slavyanskikh literatur)* [Prehistory of Literature among the Slavs: Experience of Reconstruction (Introduction to the Course in the History of Slavic Literature)]. Moscow, RGGU Publ., 1998, 320 p. (In Russ.)
15. Azbelev S.N. *Gostomysl*. In: *Varyago-russkiy vopros v istoriografii* [Varyago-Russian Question in Historiography]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2010, pp. 381–392. (In Russ.)

16. Raevskiy D.S., Petrukhin V.Ya. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essays on the History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. (In Russ.)
17. Vasilyev A.A. *O drevneyshey istorii severnykh slavyan do vremen Ryurika, i otkuda prishel Ryurik i ego varyagi* [About the Ancient History of the Northern Slavs before the Time of Rurik, And Where Rurik and His Vikings Came From]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo shtaba E.I.V. po voenno-uchebnym zavedeniyam Publ., 1858, 169 p. (In Russ.)
18. Stringholm A.M. *Pokhody vikingov* [Viking Expeditions]. Moscow, AST Publ., 2003, 736 p.
19. Oroziy P. *Istoriya protiv yazychnikov. Knigi I–VII* [History against the Pagans. Books I–VII]. Saint Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2004, 541 p. (In Russ.)
20. Sedov V.V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv* [Eastern Slavs in the VI–XIII Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 327 p. (In Russ.)
21. Nasonov A.N. *“Russkaya zemlya” i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus': Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [“Russian Land” and the Formation of the Territory of the Old Russian State: Historical and Geographical Research. Mongols and Rus: A History of Tatar Policy in Rus]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006, 364 p. (In Russ.)
22. Fletcher J. *O gosudarstve russkom* [About the Russian State]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 169 p. (In Russ.)
23. Likhachev D.S. *Novgorod Velikiy: ocherk istorii kul'tury Novgoroda XI–XVII vv* [Novgorod the Great: An Essay on the History of the Culture of Novgorod in the 11th–17th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1959, 102 p. Reissue: Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1945, 103 p. (In Russ.)
24. Zharnikova S.V. *Arkhaischeskie korni traditsionnoy kul'tury russkogo Severa: sbornik nauchnykh statey* [Archaic Roots of the Traditional Culture of the Russian North: Collection of Scientific Articles]. Vologda, MDK Publ., 2003, 97 p. (In Russ.)
25. Engelhard A.P. *Russkiy Sever: putevye zametki* [Russian North: Travel Notes]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publishing House, 1897, 262 p. (In Russ.)
26. Zhuravskiy A.V. *Evropeyskiy Russkiy Sever. K voprosu o gryadushchem i proshlom ego byta* [European Russian North. To the Question of the Future and the Past of Its Life]. Arkhangel'sk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1911, 36 p. (In Russ.)
27. Kizevetter A.A. *Russkiy Sever. Rol' Severnogo Kraya Evropeyskoy Rossii v istorii russkogo gosudarstva* [Russian North. The Role of the Northern Territory of European Russia in the History of the Russian State]. Vologda, Tipografiya Soyuza severnykh kooperativnykh soyuzov Publ., 1919, 66 p. (In Russ.)
28. Vlasova I.V. *Russkiy Sever: istoriko-kul'turnoe razvitie i identichnost' naseleniya* [Russian North: Historical and Cultural Development and Identity of the Population]. Moscow, IEA RAN Publ., 2015, 376 p. (In Russ.)
29. Bulatov V.N. *Russkiy Sever* [Russian North]. Moscow, Gaudeamus: Akademicheskii proekt Publ., 2006, 570 p. (In Russ.)
30. Chekalov A.K. *Narodnaya derevyannaya skul'ptura Russkogo Severa* [Folk Wooden Sculpture of the Russian North]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, 191 p. (In Russ.)
31. Shchurov G.S. *Ocherki istorii kul'tury Russkogo Severa, 988–1917* [Essays on the History of Culture of the Russian North, 988–1917]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2004, 551 p. (In Russ.)
32. Permilovskaya A.B. *Russkiy Sever — spetsificheskii kod kul'turnoy pamyati* [The Russian North is a Specific Code of Cultural Memory]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2016, no. 2 (32), pp. 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345
33. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet Publ., 2004, 272 p. (In Russ.)
34. Shirina D.A. *Arktika i Sever v trudakh M.V. Lomonosova* [The Arctic and the North in the Works of M.V. Lomonosov]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* [Science and Technology in Yakutia], 2011, no. 2 (21), pp. 3–7.
35. Butorina T.S. *Lomonosov i Sever* [Lomonosov and the North]. In: *Lomonosov i Sever: bibliograficheskii ukazatel'* [Lomonosov and the North: bibliographic index]. Arkhangel'sk, Arkhangel'skaya oblastnaya nauchnaya biblioteka imeni N.A. Dobrolyubova Publ., 2011, pp. 8–13. (In Russ.)

36. Markov N.F. *Russkiy sever v proizvedeniyakh M.V. Lomonosova: Rech', chitannaya v torzhest-vennom sobranii "Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraya" v den' chestvovaniya 200-letiya pamyati Lomonosova 8 noyabrya. 1911 g.* [The Russian North in the Works of M.V. Lomonosov: Speech Read at the Solemn Meeting of the "Vologda Society for the Study of the Northern Territory" on the Day of Honoring the 200th Anniversary of Lomonosov's Memory on November 8, 1911]. Vologda, 1912, 17 p. (In Russ.)
37. Sokolova F.Kh. *Istoriya Rossii: uchebno-metodicheskoe posobie* [History of Russia: Teaching Guide]. Arkhangelsk, Kira Publ., 2013, 126 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2022;
принята к публикации 03.07.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.